

И. А. Билого, Который приветствовал Сбор вольных казаков в Бельгии. Присутствующие были очень тронуты таким вниманием.

После Сбора, в том же помещении, состоялся обед, на котором присутствовало и несколько дам.

После обеда, за стаканом пива, пели казачьи песни и вели задушевную беседу. Не забыли и своих больных собратьев: тут же „скинулись“ и поручили одному из казаков отвести деньги больному казаку-кубанцу Я. Я. Гондарю.

Традиционное „гулянье“ продолжалось до позднего вечера. Приехавшие из провинции хуторчане „разобранные“ были на ночлег брюссельцами и только на следующий день, часа в 3, уехали по домам: кто на шахты, кто на фермы.

После Сбора начали поступать заявления о желании вступить в хутор. Весьма возможно, что в скором времени хутор наш разрастется в станицу.

В добрый час!

(Соб. кор.)

Конгресс комбатантов в гор. Перпиньяне.

21 мая в гор. Перпиньяне состоялся районный конгресс комбатантов, куда были приглашены сербские студенты (Тулузского университета) возложить венки на памятник павшим французским борцам от дружественного народа и от имени сербских комбатантов.

Председатель союза сербских студентов г. Волибер Протич (он же генеральный секретарь Франко-Сербского общества) пригласил представителей В. К. Станицы в гор. Тулузе: атамана Хрипушина и С. Д. Турчанинова принять участие в торжестве с братским народом.

Приглашение было принято.

В пять часов утра того дня группа приглашенных, разместившись в двух автомобилях, тронулась в путь.

Расстояние от Тулузы до Перпиньяна (210 кл.) покрыли (с остановками) в 4¹/₂ часа. Прибыв в заранее заказанный отель, занялись на скорую руку туалетом.

Готовы все, выходят из отеля (казаки — в черкешках) и с разнернувшими флагами справа Сербский, слева Казачий (сине-малиново-желтый), в центре венки из живых цветов. Флаги несут казаки.

Двинулись в мэрию (городское управление), где состоялся конгресс. О прибытии было доложено председателю конгресса. Просят войти. Громадный зал, переполненный делегатами из окрестностей... Все встают.

Военные, занимавшие почетные места, встают, отдают честь. Флаги и венки проносят к трибуне, где и устраиваются на приготовленных местах.

Все успокаиваются... Продолжается конгресс... Сответствующие речи. Наконец по расписанию дня наступил момент церемонии возложения венков.

Отдаются распоряжения. Начинают подтягиваться, делаются построения, распределения, подходит музыка. Выходят во двор. В стороне группа комбатантов обясняет собравшимся на торжество о флаге Казакии.

Близко стоящий к казаку, несшему свой флаг, обращается с вопросом: „что за флаг?!“ Отвечает: „Флаг казаков“. — „Разве и казаки имеют свой флаг?!“ переспрашивает француз. — „Да“. Заиграл оркестр и многочисленное шествие двинулось со знаменами и флагами вперед. Сербский и Казачий — на почетном месте... Мэрия, профектура и улицы украшены и декорированы флагами. Широкие улицы сузились от шпалер любезных граждан и детей всех возрастов гор. Перпиньяна.

Щелкают аппараты... Граждане приветствуют проходящие флаги и знамена одни — поклонами, другие снятием головных уборов. За флагами идут почетные члены комб. союза: председатель, секретарь, мэр города, начальник гарнизона, представитель французской армии, сербский консул и т. д.

Процессия подошла к памятнику.

Знамена и флаги с венками отделяются от колонны и выстраиваются в одну линию перед памятником лицом к присутствующим.

Оркестр играет „Салют“. Медленно опускаются знамена и флаги. Минута полного молчания. Старые солдаты выровнялись в струнку, сняв головные уборы. Военные берут подвесь. Снова оркестр и возложение венков. Щелкают фотографические аппараты.

Флаги, знамена, гости и инициаторы фотографируются отдельно.

Маленькими колонами начали расходиться в разные стороны. Делегаты собираются в кафэ на аператив. После этого представитель армии (Франц.) пригласил на банкет. (Были приглашены и от имени союза камбатантов).

Банкет под почетным председательством Г. Думер (бывший Президент Франц. республики) вмещал до 300 чел. делегатов и гостей. Зал утопал в зелени, цветах, развешенных флагах, и т. д.

Речи, пожелания, обильное угощение (от лучших красных вин до шампанского) закончили радужный банкет бывших бойцов непороченной Франции.

Вечером в главном городском театре устроен был концерт-бал.

Большой хорошо обставленный театр. Большая сцена украшена французскими флагами, знаменами. Сербский и Казачий флаги с правой стороны — выше всех. В почетной ложе Г. Думер, префект, сербский консул, дамы. Зал переполнен. Начинается концерт по разработанной заблаговременно программе. Прошло четыре номера...

За кулисы где сгруппировались артисты, вбегает г. Протич и обращается к Турчанинову: „Густав Думер просит выступить вне очереди в виду того, что он должен отбыть незамедлительно“. „А что исполнить?!“ переспрашивает Турчанинов. „Танцуйте казачек, или лезгинку, а потом спойте“ „Хорошо, начинайте“. — Музыка начинает играть. Турчанинов выскакивает на сцену. Танцует несколько минут и вертящийся, увлеченный музыкой, как вкопанный закончил сильно захватывающую национальный казачек. Гром аплодисментов. Вызов на бис... Но напрасно. За кулисами, вытирая пот с лица, Турчанинов, прислонившись к декорациям, отдыхает в возбужденном состоянии. Вскрикивает г. Протич, только что вернувшийся из почетной ложи. „Очень хорошо. Г. Думер в восхищении, поздравляет Вас с успехом и просит сейчас же спеть“. — „Дайте же перевести хотя дух“ режет Турчанинов.

„Через один номер можете выступить? — спрашивает Протич. Казаки переглядываются, кивают утвердительно головами...“

На сцене появляются г-жа Богданова, Хрипушин и Турчанинов. Публика восторженно принимает. Легкий поклон. Казаки отдают честь Господину Г. Думеру. Он, улыбаясь, кивнул головою. Поет: соло г-жа Богданова (жена куб. казака). Трио. Соло Турчанинов. Трио. Гром новых аплодисментов. За кулисами регент французского хора (выступавшего перед казаками) и хористы жмут казакам руки и поздравляют с успехом. Затем поет соло артист испанской оперы.

И вновь казаки. Лезгинка с кинжалами. Исполняет Турчанинов легко, пластично, равномерно захватывающе описывает круги, пропуская кинжал между ног. Потом забивает кинжал и, вонзая последний, вытягивается в струнку. Зал гудит, долго вызывая на бис.

И, наконец, последний номер программы. В канкавском (черкешенки) костюме г-жа Богданова была встречена аплодисментами. К ней присоединяется Хрипушин. Сначала тихо, потом учащая темп, танцуют красиво и живо. В вихре заканчивают лезгинку. Зал снова дрожит от аплодисментов и одобрений.

Кончился концерт.

Публика не расходится, ожидают музыку, и переходят в верхний зал, где молодежь ждет танцев.

Казаки, уставшие, не отказываются, танцуют по собственному желанию и по приглашению дам.

Кончился бал. Казаки, сопровождаемые председателем комбатантов, отправляются к ожидающему их автомобилю. Крепко пожимая руки, он благодарит казаков за участие и отзывчивость. „Мы никогда не забудем казаков и их стремление. В добрый путь!“

— закончил он. Автомобиль тронулся в 2½ часа ночи с расчетом, чтобы быть у своих родных, близких, станционных (ожидающих с интересом результата поездки) и на службе в 7 час. утра.

(Соб. кор.)

В Монтаржи.

М. Г. Г-н редактор,

не откажите поместить в уважаемом Вашем журнале следующее:

4 июня, в день „Св. Троицы“, в Вольно-казацкой Станице в Везине-Шалет состоялся доклад в.к. пол. А. Т. Жукова на тему „Бытие Каз-ва в его прошлом, настоящем и будущем“. С этой целью правлением станицы вывешены объявления, приглашая всех казаков на доклад. Ровно в 2 часа дня в помещении ресторана „Днепр“ собрались казаки и братья украинцы. Атаманом станицы С. П. Ткаченко было открыто собрание, а затем предоставлено полк. Жукову занять место и слово.

В 5-ти часовой речи докладчик четко обрисовал картину Каз-ва в прошлом, постепенно переходя к настоящему, а потом и о том, что должно делать Каз-во в будущем.

Вся аудитория слушала с большим интересом и не ослабленным вниманием. Доклад базировался на исторических документах историков, как русских так и иностранных. Вся суть доклада свелась под конец к тому, что „казак, познавший самого себя, не делай прошлых ошибок, думай свою казацкую думу, перестань слоняться по чужим партиям и становись на свой исторический шлях, шлях казацкой воли и самостоятельности“.

По окончании доклада, аудитория наградила докладчика дружными аплодисментами.

После состоялось собеседование по разным вопросам.

Был задан вопрос украинцем Г. Захвальским: „Які шляхи В. К. и який язык буде в Казаки?“ На что докладчиком был дан резонный, вполне удовлетворительный ответ, но заметно, что украинца-националиста, как он сам себя назвал, ответ не удовлетворил (короче говоря, Г. Захвальский мыслит и Кубань в составе Великой Украины). Казаков же ответ удовлетворил вполне.

Братья казаки! больше веры в правоту своего дела. Никто сейчас не знает, что может получиться завтра, а поэтому будь, казак, часовым.

Братья казаки, все, как один, идите под знамя В. К. и тогда только мы достигнем своей конечной цели.

Большое спасибо А. Т. Жукову за его труд, а так же казацкие спасибо всем посетившим доклад казакам и украинцам.

(Соб. кор.)

Доклад А. К. Ленинова в гор. Каркассоне.

В воскресенье 4-го сего июня в гор. Каркассоне состоялся доклад А. К. Ленинова на тему „За честь и свободу Казачества“. Доклад собрал весьма многочисленную казацкую аудиторию.

Талантливый докладчик, несмотря на тяжелое путешествие и сопряженные с этим две бессонные ночи, сумел провести доклад содержательным образом, подчас захватывая аудиторию. Сущность доклада заключалась в том, что докладчик, анализируя ход событий последнего периода истории Казачества, выразил уверенность в неизбежности того исторического пути, на который встало Казачество после захвата большевиками власти в России, именно государственная независимость Казачества.

После доклада состоялись прения, причем единственным оппонентом выступил полк. Е. Ермолов, который предполагал в тот же день читать свой доклад на тему „О казаках самостоятельных“. Приезд А. К. Ленинова в гор. Каркассон в известной степени помешал устройству этого доклада, вследствие чего полк. Ермолову пришлось ограничиться „напористым выступлением“ против А. К. Ленинова, полагая разбить его „по

швам“ и тем самым разнести в пух и прах всех вольных казаков, а равно и всю Вольно-Казачью идеологию. Но не так вышло, а разбитым „по швам“ оказался сам полк. Ермолов, который был буквально приперт к стенке меткими и обоснованными доводами А. К. Ленинова.

Полк. Ермолов, подвергая критике доклад А. К. Ленинова, говорил, что Донской, Кубанский и Терский Атаманы, разорвав договор с ген. Врангелем и создав Об'единенный Совет Д. К. Т., свершили сие действие с целью получения политической свободы действия для Казачества, для неучастия Донского Атамана ген. Богаевского в Зарубежном С'езде (1926 г.). Полк. Ермолов изволил утверждать, что ген. Богаевский был отозван О. С. Д. К. Т. из организационного комитета (по совету Зар. С'езда), ибо Зарубежный С'езд предполагал провозгласить „безоговорочное подчинение эмигрантов Вел. кн. Николаю Николаевичу“. Далее полк. Ермолов внес „пояснения“ в том отношении, что Атаман Каледин был объявлен изменником Российскому государству, отнюдь не Российским правительством, а революционным правительством!

Говоря о прошлом Казачества, полк. Ермолов заявил, что Донское Войско никогда не было самостоятельным государством, и что будучи образовано из беглых холопов Московского государства, естественно должно быть присоединено к Москве, т. к. оказалось на путях последней, ибо „всякое государство, борясь за свою самобытность, стремится к расширению и укреплению своих границ, результатом чего и явилось присоединение Донского Войска к Московскому государству“. И, наконец, последний вопрос полк. Ермолова, безусловно рассчитанный на известный эффект, заключался в том, что он запросил докладчика: „какое государство дает деньги казакам-самостоятельным для ведения их работы“.

С видом победителя уселся полк. Ермолов на свое место, предполагая, что приезжий самостоятник не найдется, кто ответит...

Спокойно поднялся с своего места А. К. Ленинов и, при напряженном внимании аудитории, начал речь, направленную против доводов полк. Ермолова: „Братья казаки, вы слышали, что говорил мой оппонент (т. е. полк. Ермолов), который стремится так или иначе придать совершенно особое понимание всему докладу, только что изложенному мной. Разрешаю запросить полк. Ермолова о том, почему Атаманы лишь в гор. Константинополе признали нужным произвести разрыв с ген. Врангелем, дабы получить „политическую свободу действия для Казачества“, (последнее понятие, конечно, лишь в понимании полк. Ермолова). Где же был и что делал Донской Атаман в Крыму, когда тот же Врангель отказывал в перевозке строевых частей 4-го Мамонтовского корпуса (ком. ген. Стариков) с Черноморского побережья в Крым, и предавал военному морскому (а почему не военно-полевому суду?) командующего Донской армией! заставил того же Богаевского подписать позорный договор, унижающий честь и достоинство Всеволодского Войска Донского. В период пребывания в Крыму, ген. Богаевский, бывший в ту пору Донским Атаманом, следовательно, и не думал о получении „политической свободы действий для Казачества“, по прибытии же в Турцию вдруг решил добыть таковую... Как понимать действия ген. Богаевского, да и других Атаманов, в этот момент, полк. Ермолов не пояснял.

Ген. Богаевский и др. признали разрыв с Врангелем в силу того, что были вынуждены считаться с обстановкой и с казацким общественным мнением, но отнюдь не для добытия „политической свободы действий для Казачества“. Ген. Богаевский первый из подписавших декларацию О. С. Д. К. Т. отбросил в сторону Основные законы В. В. Д. и заменил их т. н. платформой О. С. Д. К. Т.

Напомню казакам и о том, что когда на Зар. С'езде предложено было послать привет и В. Атаманам, как представителям Казачества, то послышался голос „Вы послали бы привет Троцкому“ и предложение было отвергнуто. Касаясь утверждения полк. Ермолова о том, что Атаман Каледин был объявлен изменни-